

18+ Давид Павельев

Некогда

Давид Павелъев

Некогда

«Издательские решения»

Павельев Д.

Некогда / Д. Павельев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-517901-2

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Денис — обычный парень, каких тысячи в современном Мегалополисе. Несколько часов в пути с городской окраины на работу, скучные обязанности в торговой фирме, стандартные развлечения по выходным, страхи и неуверенность в завтрашнем дне — вот главные черты его бытия. Его угнетает суета, рутина и нехватка времени на личную жизнь. Но что ждёт его за гранью обыденности? Спасение? Или ещё большая пустота?

ISBN 978-5-00-517901-2

© Павельев Д.
© Издательские решения

Содержание

Некогда	6
I	6
II	10
III	15
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Некогда

Давид Павельев

© Давид Павельев, 2020

ISBN 978-5-0051-7901-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Некогда

I

До сигнала будильника оставалось несколько минут. Мне всегда нравилось просыпаться чуть раньше, ведь тебе не обязательно вскакивать, лупить по нему, чтобы заставить замолчать. Можно полежать спокойно, подумать. Главное снова не задремать, иначе повторное пробуждение приятным не назовёшь.

Наконец он запиликал, как счётчик радиации, противно и настойчиво. Довольный, что в этот раз обошёлся без его помощи, я шлёпнул его как можно мягче – всё-таки будильник был моим другом, или по крайней мере союзником. Он тиранил меня ради моего же блага, и будь он чуть ко мне гуманнее, я нарвался бы на крупные неприятности.

И тиранил он меня каждый будний день ровно в пять утра. Минуточка, потерянная при пробуждении, могла превратиться в потерянный час на пологом на полосу препятствий пути к офису, реактивное негодование начальника, выговор и целый испорченный месяц.

Я вылез из постели и, собрав за минуту, как солдат, бельё, направился на кухню. Набрал в тарелку воды, бросил туда пару сосисок, поставил всё это в микроволновку, и сразу же в ванную. После минуты под душем я побрился и почистил зубы, sprыснул себя парфюмом и вернулся в кухню. Проглотив на ходу сосиски, я поспешил обратно в комнату одеваться.

В квартире было тихо – все домашние в это время ещё спали. Алине – моей сестре – в школу к половине девятого, а до школы всего пару остановок на автобусе. Так что вставать ей смело можно в семь. Она уже старшеклассница, готовится к госэкзаменам и поступлению в университет, так что вскоре и ей придётся вставать вместе со мной – живём мы в Зеленограде, и до «большой земли» нужно добираться на электричке. Так что её счастливая неторопливая жизнь в пределах района скоро закончится, и я предупреждал её, чтобы она начинала готовиться и тренироваться по системе «тайм-менеджмента», с расписанием-таблицей, которую надо составить заранее. До Алины необходимость такой «заморочки» пока не дошла, но рано или поздно жизнь сама научит. Тогда, кстати, изменится и мой тайм-тейбл: надо будет рассчитывать, как делить ванную. Но зато будет веселее по утрам ездить в Москву, а время сэкономим, вместе готовя завтрак.

Всеволод Николаевич, наш отец, преподаёт в университете историю. Лекции у него вообще не каждый день, и большую часть времени он проводит в кабинете, работая над докторской диссертацией. Рано вставать вредно для его здоровья, но он может позволить себе о нём позаботиться – в отличие от нас, он уже многого достиг в жизни. Хоть жил он всегда скромно, машины у него нет, а при нашем месте жительства она и не лишняя, но он всё-таки мог ни в чём себе не отказывать, путешествовать и отдыхать. Больше ему ничего и не требовалось, он – человек науки, всецело погружённый в свои исследования. Для него Кутузов и генерал Ермолов были лучшими собеседниками, и порой он понимал их гораздо лучше, чем нас.

Но пробегая мимо комнаты Алины, я вдруг обнаружил, что из-под двери пробивается свет. И зачем это она вскочила так рано? Я не удержался и, опустив ручку, заглянул к ней.

Она сидела за компьютером спиной ко мне. Её голову сжимали массивные наушники, как у полярного лётчика. Гитарные рифы, звучавшие в них, слышал даже я через всю комнату, будто бы мы присутствовали на рок-концерте. Сестра, конечно же, не слышала, что я вошёл.

– Алинка! – позвал я, но тщетно. Я позвал её ещё раз, но так же безрезультатно. Тогда мне пришлось подойти к ней и прислушаться динамик с уха.

– Сестрёнка!

Она вздрогнула и уставилась на меня с удивлением и даже досадой, будто бы я отвлек её от чего-то очень важного.

– Это всего лишь я, котёнок. Не узнаёшь?

– Кому тут ещё быть? – мрачно спросила она.

– Ну, мало ли. Домовому Нафане, или кто там ещё у нас живёт. А может, Михаил Илларионович ошибся дверью и зашёл вместо бати к тебе.

Мои попытки расшевелить её ни к чему не приводили. За последние полтора года она изменилась до неузнаваемости – это как раз с тех времён, что я стал работать в фирме «Волшебный фильтр». Когда-то она была весёлой, жизнерадостной девчонкой. Теперь же она похудела, осунулась, стала носить чёрное. Подозреваю, она начала курить. Недавно сделала на запястье татуировку в виде сердечка, перекрещенного треугольником, чем до смерти напугала отца. Как мягкий и деликатный интеллигент, он не мог что-либо ей запрещать, и настойчивости отговорить её у него тоже тогда не хватило.

– Котёнок, а чего ты так рано? – задал я наиболее интересный мне вопрос. – Тебе до школы ещё спать и спать.

– А я и не ложились.

– Да ты что? Ты же так себя угробишь?

– К экзаменам готовлюсь, – буркнула она. – Вы же все твердите, как это важно для моего будущего. Значит, важнее, чем какой-то там сон.

– Ну, спать хоть и старомодно, но иногда всё-таки нужно.

– Я учту.

– Что же ты такая колючая, котёнок?

– Да прекрати ты играть в эту глупую игру! – Это и в самом деле была наша старая детская игра – как в песенке: «Приятелями были котёнок и щенок». Вот я и был щенком, а она – котёнком. – Мы уже другие, Денис. И ты теперь тоже другой!

Такие вспышки уже случались и раньше, но я никогда на них не реагировал. Алина была добрая и легко отходила. Значит, сейчас она просто не в настроении, а я, как старший брат, должен быть уступчивым.

Мой взгляд упал на часы над её компьютером – Боже мой, мне уже пора выдвигаться.

– Прости, дружок. Сама знаешь, нужно бежать. Поговорим вечером.

Я поцеловал её в макушку, зацепив подбородком эти проклятые наушники. Она сидела, никак не реагируя на мои слова, и стоило мне отойти от неё, вновь погрузилась в созерцание монитора.

Бегом я погнал в свою комнату, вытащил из шкафа костюм, буквально запрыгнул в него и кое-как набросил на шею галстук. Потом как-нибудь поправлю – сейчас главное не упустить момент и успеть уложиться. Привычка оставлять хоть немного времени про запас могла спасти меня. А вообще-то незапланированный разговор с сестрой утром был немалым риском, который вполне мог аукнуться мне днём.

По дороге к остановке я увидел бело-зелёное пятно автобуса. Чтобы успеть на него, мне потребовалось перейти на бег – следующий придёт минут через десять, и тогда я рискую не успеть к электричке. Порядочно взмыленный, я всё же вскочил на порожек и тотчас же врезался в спину зеленоградца средних лет, спешившего, как и я, к электричке в шесть двадцать. Собственно, к ней спешила добрая половина Зеленограда, а половина этой половины ехала в этом автобусе.

– Прсте, пжалста, – выдавил я, пытаясь отдышаться.

Мужик хмуро кивнул в ответ, стараясь не задеть головой впереди стоящего пассажира. На следующей остановке меня самого уже зажали со всех сторон, так что я изо всех старался не впечатать свой нос в спину того самого мужика.

По счастью, путь был недолгим, и уже через пару остановок мы вывалились из автобуса, как кильки из открытой жестянки. Этим плотным косяком мы потянулись к станции, где у платформы нас уже ждала почти полная электричка. В вагонах все места у окон и проходов уже были заняты, оставались лишь промежутки между ними. И то многие ставили на них сумки или специально располагали свои тела так, чтобы на это пространство никто не посмел посягнуть.

«Ладно, – подумал я. – Придётся постоять.»

Мне к этому не привыкать. Посидеть мне удавалось нечасто – как ни рассчитывай время, ни следуй тщательно спланированному расписанию, а всё равно будет полно тех, кто успел раньше тебя, при чём без всяких специальных усилий. К тому же в Сходне и Химках в поезд набьётся ещё столько же народу, и среди них с пару дюжин пенсионеров, которые будут взирать на тебя, как на Мальчиша-Плохиша, пока ты под тяжестью совести не уступишь им место. Так что лучше уж постоять – к тому же, сидя ты расслабишься, а то и задремлешь. А просыпаться всегда неприятно – это как второй подъём с будильником.

Стоять в вагоне крайне неудобно – ухватиться можно только за ручку сиденья, так что сидящий будет задевать твою руку затылком. А так как стоишь ты в проходе, народ всё время снуёт мимо тебя к выходу. И тебе всякий раз нужно всем телом вжиматься в сидящих, чтобы проходящие не тёрлись о твою спину локтями. Потому я предпочёл остаться в тамбуре – здесь есть хотя бы стенка, на которую можно опереться.

Через пару минут двери сомкнулись и поезд тронулся. Ехать предстояло целый час, так что время в пути нужно было как-то скоротать. Раньше, будучи студентом, я умудрялся учить конспекты, штудировать заданную литературу и даже писать курсовые. Первое время я даже читал книги: кое-что из классики или современной литературы – книжки о клерках, одним из которых мне и предстояло стать в скором времени. Но когда это время наступило, я предпочёл читать что-нибудь более простое для восприятия. В книгах у героев постоянно возникали всевозможные проблемы, а неприятности посторонних мне казались лишними. Я ведь строю свою жизнь, и мне вряд ли стоит отвлекаться на вымышленные беды вымышленных персонажей.

И теперь, когда я взял в рассрочку планшетный компьютер с большим экраном, я стал смотреть на нём передачи про автомобили, где знатоки сравнивают между собой разные модели, и просто катаются в своё удовольствие. Я тоже хотел стать знатоком – у таких всегда есть тема для разговора в мужской компании. Но чаще я забывал про все эти технические характеристики, рессоры, подвески и прочее, а просто любовался машинами и думал, как это здорово – ехать не в до отказа набитой электричке, а в личном автомобиле, один или с кем-нибудь, кто тебе дорог. И едешь как хочешь, куда хочешь, с какой хочешь скоростью. Можешь даже запеть любимую мелодию – никто не посмотрит на тебя, как на дурачка. Пробки – тоже не беда, их можно объехать. Главное – это свобода.

Скоро я пройду испытательный срок в «Волшебном фильтре», и шеф повысит мне зарплату аж в полтора раза. Тогда я через какое-то время смогу взять машину в кредит. Покупать поддержанную я не хочу – с ней не вылезешь из автосервисов, а времени на это тратить нельзя. Уж лучше взять новую, пусть и простенькую – я даже согласен на отечественную, а не иномарку. Да, престиж не бог весть какой, зато практично. Да и Москва не сразу строилась.

Электричка всё наполнялась и наполнялась людьми, и теперь уже и в тамбуре было не протолкнуться. В Химках под напором толпы ко мне прижалась молодая девушка лет двадцати с красивыми русыми волосами. Скорее всего, студентка. От сладковато-пряного запаха её косметики у меня, как у всех одиноких парней, защемило сердце. Но я смотрел на неё лишь краем глаза, уткнувшись в планшет, хоть держать его было теперь неудобно – при покачивании вагона он постоянно бил ей в плечо. Её волосы то и дело закрывали экран.

Моя попутчица, как и я, была в наушниках и держала в руке телефон. Иногда она набирала кому-то сообщение, и тогда её рука тоже задевала мою, сжимавшую планшет. Теперь я не мог думать ни о чём другом, пока она не вышла на Петровско-Разумовской – первой станции, с которой можно пересест на метро. А я поехал дальше, на Ленинградский вокзал – наш офис находился в центре. Но и теперь эти случайные касания продолжали владеть моим сознанием – мы всего лишь двое из тысяч молодых людей столичной агломерации, чьи дороги случайно пересеклись в хаосе. А ведь может быть и так, что она – именно тот человек, в котором я так нуждаюсь. А я – тот, в ком нуждается она. Что, если мы нужны друг другу для полного счастья? Но этого мы никогда не узнаем. А через минуту мы забудем друг о друге, и нам останутся лишь сайты знакомств со лживыми анкетами и пьяные встречи в ночных клубах, за которые стыдно уже на следующий день.

И на следующей станции я уже и вправду забыл об этом – сколько их было, таких пересечений, сколько ещё будет. А выходить уже скоро и нужно приготовиться.

С вокзала я сразу же юркнул в метро и через пять минут уже был на станции Комсомольская. В метро всегда есть варианты: до нужной мне Таганской можно доехать по кольцу или с одной пересадкой на станции Лубянка. Я всегда пытался выяснить, какой путь быстрее, и получалось примерно одинаково. Комсомольская-кольцевая глубже радиальной, потому можно потерять время на длинном эскалаторе. Но я решил наверстать его бегом.

В поезде меня снова зажали в тиски. Новые вагоны хоть и оборудованы кондиционерами, но тесноваты. Люди с ростом чуть выше среднего, как я, могут ехать лишь по середине – в нишах у дверей вечно бьёшься головой в потолок.

Наконец, я достиг станции назначения. Выходить в город с кольцевой было неудобно – во-первых, эскалатор тут из двух длинных пролётов, а во-вторых, выход далековато от Воронцовской улицы, где расположен офис. Так что пришлось перейти на фиолетовую ветку и выйти в город с неё.

Я посмотрел на часы – без десяти восемь. Значит, до начала рабочего дня осталось совсем чуть-чуть. От метро до офиса всего пару остановок на троллейбусе, но я решил не ждать его, а пробежаться пешком. Бегаю я быстро, авось и не опоздаю.

И действительно – в восемь ноль пять я вбежал в нашу рабочую комнату, весьма довольный своим почти спринтерским результатом.

II

Но мой начальник Альберт Михайлович Ботвинник был уже там. Он-то живёт в центре, и быть пунктуальным ему ничего не стоит.

– Почти не опоздал, Дениска, – сказал он с едва заметным ехидством.

– Извините. Исправлюсь.

– Да ладно.

Вообще-то человек он добродушный. Строгим начальником его не назовёшь – голос он не повышает, не ругается и не давит положением. Но иногда он не прочь надо мной подтрунить. Мол, я такой неопытный, «зелёный».

– Ничего, я тебя выдрессирую, – частенько приговаривал он, когда журил за какие-нибудь незначительные «косяки» – значительных я всё-таки не допускал, как старательный и исполнительный сотрудник.

Надо сказать, Ботвинник – личность неординарная. Его нельзя назвать типичным дельцом, хоть деловых качеств у него хоть отбавляй. В фойе у нас висит множество патентов и дипломов – все на его изобретения. Вся продукция, предлагаемая нами потребителям, эксклюзивна и уникальна – Альберт Михайлович сконструировал её сам. В том числе и чудо-фильтр, обладающий целебными свойствами. Сам Ботвинник – почётный член Академии Естествознания. Многим он известен как натуропат и специалист по нетрадиционной медицине. Потому и вид у него соответствующий – степенный и величавый.

– Так, Денис, мне нужно отлучиться на важные переговоры. Нам светит большой контракт, солидные люди набиваются нам в партнёры, так что имей в виду. А там и госконтракт выьем – такие, понимаешь, перспективы. Так что придётся оставить тебя на хозяйстве. Надеюсь, уж с обычными розничными клиентами ты справишься.

– Конечно, Альберт Михайлович.

– Смотри, без меня не озорничай, да клювом не щёлкай. Клиенты хоть и розничные, да с миру, как говорится, по ниточке. А если вдруг народу будет немного, не скучай. Почитай мою недавнюю монографию про абсорбентные свойства проводниковых материалов. Самому полезно будет. Лишь просвещённая нация может стать здоровой.

На этой патетической ноте он и упорхнул на свои ответственные переговоры. Что было, собственно, далеко не в первый раз, как могло показаться с его слов. Просто подобные напутствия были частью его манеры со мной общения. Большую часть времени его в офисе вообще не бывало. Мы сидели вдвоём с главным бухгалтером – дамой среднего возраста. Шеф же вершил дела на бизнес-банкетах, читал лекции в академии или давал интервью журналистам. Просиживать весь день в офисе – моя участь. Сталкиваться с обычными покупателями начальству как-то не с руки.

Сегодня не было и бухгалтерши. Видимо, она зависала в налоговой – тоже далеко не в первый раз. Значит, если не будет наплыва клиентов, я смогу расслабиться. Такая вот награда за утренний марафон в транспорте.

На такие случаи я установил на рабочий компьютер простенькую игрушку-стрелялку. Разумеется, втихаря и так, чтобы не спалиться перед шефом. Не шибко захватывающую, с привесимся изо дня в день сценарием: бегаешь, прячешься, целишься, стреляешь. Если тебя самого не подстрелили, что бывало крайне редко, переходишь на следующий уровень с большим числом злодеев. Я прошёл её вдоль и поперёк, выучил все хитрости и наиболее каверзные ситуации, но всё равно играл. Без увлечения и азарта.

Может быть, я и мог проводить это время как-то более продуктивно: читать газеты или учить иностранные языки, как это везде сейчас советуют в качестве «инвестиций в самого себя». Но это время будто бы и существовало исключительно для того, чтобы его убить. Оно

было чем-то сродни этим компьютерным террористам, которых я отстреливал сотнями. Как ни крути, рабочее время не может проводиться с пользой – на то оно и рабочее, а не свободное. Эти часы своего рода жертва: как древние люди верили, что без зарезанного на алтаре ягнёнка не народятся новые ягнята. С той лишь разницей, что новых ягнят должно быть в разы больше, чем закланных. Мы же режем тысячи рабочих часов ради десятков свободных в отпусках и отгулах. Только они смогут принести нам хоть какое-то удовольствие, если провести их где-нибудь подальше отсюда.

Да и какое может быть удовольствие, если сейчас я постоянно пребываю в ожидании того, что вот-вот раскроется дверь и войдёт один из сотен тысяч незнакомцев, которых я тотчас же забуду после разговора о свойствах чудо-фильтра Ботвинника, и который тотчас же забудет меня. Посторонний, озабоченный лишь собственными проблемами. Для него я всего лишь говорящая картинка, не человек, а функция.

И вот, когда он войдёт, я буду вынужден расписывать достоинства этого фильтра, чтобы он непременно захотел его купить. Хоть в самом деле я не мог точно знать, так ли прекрасен фильтр Ботвинника, как я его преподношу. Поначалу, и даже в то время, о котором я теперь вспоминаю, мне самому хотелось верить в его чудодейственные свойства и инженерный гений шефа. Я даже хотел склонить бату заказать нам этот фильтр, отрепетировал на нём те приёмы, что предстояло применять для убеждения клиентов. Но он был довольно равнодушен ко всякого рода новшествах, так как легко обходился без них, довольствуясь привычными с молодости вещами. Да и стоил фильтр недёшево. Решение купить фильтр самому влетело бы мне в копейку и сожрало бы львиную долю зарплаты, что я посчитал какой-то глупостью.

«Оно и к лучшему, – сказала мне тогда Алина. – Вот купил бы фильтр, а он возьми да окажись полнейшей туфтой (она почему-то была уверена, что так оно и есть). И как тебе тогда с этим жить? Чувствовать себя жуликом? А так – кто его знает, может да, а может и нет. Меньше знаешь – крепче спишь. Не искать же новую работу после этого.»

Но меня её слова, не лишённые хорошо знакомой всем юношеской «мудрости», как раз не успокоили. Тогда мне ещё хотелось гордиться своей работой, нашей фирмой и её продукцией. Но со временем я понял, что можно найти и другие поводы для гордости. Например, что я играю в стрелялки, когда должно штудировать ботвинниковы сочинения. Значит, я достаточно ловок, чтобы, не вызвав гнева начальства, особо не напрягаться и не насиловать организм ради его призрачной прибыли. Даже если я вылезу из кожи вон, на наших доходах это никак не отразится. Я, как он верно заметил, ведаю малыми делишками, в то время как основными статьями дохода занимается он сам. Моя задача – сидеть на своём месте и делать, что он от меня требует. Не меньше, но и не больше.

И вот случилось то, чего я ожидал – в дверь постучали. Я еле успел свернуть мои запретные развлечения, как в кабинет вошла сухоощавая тётенька лет шестидесяти в цветастом платье, с огненно-рыжими волосами, похожими на пережари-поле. В общем-то, типичный мой клиент.

– Молодой человек, можно к вам?

– Конечно, конечно! – ожил я. – Проходите, пожалуйста. Присаживайтесь.

Тётенька торопливым шагом пересекла кабинет и уселась напротив меня на предложенный мной стул.

– Вас, наверно, интересуют наши чудо-фильтры? – изобразил я глубокую проникательность.

– Да, именно они. Вокруг о них столько всего говорят, что, мол, для профилактики всех заболеваний, вирусы там всякие убивает, дезинфицирует.

– В самом деле. По результатам лабораторных исследований, применение фильтра Ботвинника снижает риск возникновения онкологических заболеваний на шестьдесят пять процентов.

– Вот оно как? Гляди ж ты! Спасибо, молодой человек, не знала. Но всё равно, понимаете, меня одолевают сомнения. Прибор-то ваш немалых денег стоит. С моей-то пенсией несколько месяцев откладывать, или подзанять у соседки придётся...

– Мы можем предоставить вам рассрочку на двенадцать месяцев под десять процентов – у нас специальное предложение для пенсионеров. По цене как в банке!

– Заманчиво, заманчиво. Но всё равно сомневаюсь я. Вот вы мне как советуете поступить? Так-то я на здоровье не жалуясь. Диспансеризацию в поликлинике прохожу, у докторов наблюдаюсь. Ерунду всякую не кушаю, «гамбургеры» в ларьках не покупаю. Всё больше кашку по утрам геркулесовую, ну и овощи – наши, без всякого ГМО. В общем, вредными веществами стараюсь себя не травить. Только вот давление иногда поднимается, да стенокардия мучает...

«Да, что я вам могу посоветовать? – подумал я. – Вам и так нормально, идите с миром?»
Но вместо этого я защебетал:

– В современном мегаполисе вы не можете уберечься от вредных веществ. Водопроводная вода, почва и даже воздух содержат соли тяжёлых металлов, нитраты, сульфиты, фосфаты. Они есть в продуктах питания, моющих средствах и прочих бытовых веществах, с которыми вы регулярно соприкасаетесь. Эти токсины накапливаются в вашем организме незаметно для вас и медицинских приборов. А когда со временем они дадут о себе знать, будет уже поздно. Да и про радиацию забывать нельзя! Вы и сами не замечаете, как подвергаетесь облучению. И ни одно из существующих средств не решало всего комплекса проблем: как правило, все они сами содержат вредные вещества, и избавляя вас от одних ядов, замещают их другими. И лишь академик Ботвинник сумел решить эту дилемму, применив последние достижения молекулярной химии. Наш фильтр работает за счёт активных нано-частиц, поглощающих токсичные вещества и совершенно безопасных для вашего здоровья. Все компоненты фильтра распадаются естественным образом, по законам физики.

– Ладно уж, убедили...

– Сегодня у нас действует акция – при заказе фильтра вы получаете книгу академика Ботвинника «Биохимия долголетия» с личным автографом.

– Ой, спасибо. Очень приятно...

– Прекрасно! – В душе я возликовал. – Давайте оформим заказ и через неделю вы получите готовый фильтр по вашим индивидуальным параметрам.

Тётяшка тоже была в высшей степени довольна. Мне уже даже не верилось, что всё прошло так гладко. И стоило мне поймать себя на этой мысли, как дверь вдруг без стука распахнулась, и на пороге нарисовалась бабуля в красном берете и в очках с толстыми линзами. День обещал быть хлебным и урожайным.

– Добрый день! Будьте добры, подождите всего пару минут. Я закончу оформление заказа и смогу заняться вами.

– Вот ещё! Ну уж дудки!

Только теперь я заметил, что настроена она решительно недружелюбно, и, в отличие от своей предшественницы, явилась сюда явно не за советом.

«Ну всё, облом, – с досадой подумал я.

– Не слушайте их! Мне он тоже давеча лазарем пел: чудодейственные свойства, исцеляет ото всех болезней. Ага, хрена лысого не хотите? Купила я у них енту бандуру. И на следующий же день из неё песок чёрный посыпался! А у внучки моей аллергия с того дня началась, никак всё унять не можем. Вся краснющая, в мелкой такой сыпи. Аж скорую помощь ей вызывали. Верните деньги, и бандуру свою забирайте взад – не нужна она мне до скончания века!

– Послушайте... извините, как к вам обращаться?

– Ах, уж и не помнишь? А то был такой любезный, ажно чуть не облизывал меня со всех сторон.

– Простите, пожалуйста. Вероятно, произошло какое-то недоразумение. В этом нужно разобраться. Большое спасибо за обращение, мы ценим каждый отзыв, пусть и негативный, – пролепетал я, вспоминая инструкции маркетологов, как вести себя в столь щекотливых ситуациях.

– Да нечего тут расшаркиваться! Верните деньги да хренотень свою заберите – всего делов!

– Возможно, мы могли бы уладить конфликт не столь радикальным способом. У нас есть сервисный центр, и мы предоставляем гарантийное обслуживание...

– Вы что, глухой? Я же сказала, не надо-ть мне от вас ничего. Не то пойду в телевидение и приведу программу «Контроль качества!» Пусть тогда вся страна на вас полюбуется, на жуликов! Чтоб никто больше вашу байду не купил.

– Хорошо, хорошо. Вы правы. Наш принцип – клиент прав всегда. Сейчас я оформлю заявку на возврат средств, и с ней и с чеком приходите в бухгалтерию...

– Давайте!

Набросав документ, я сунул его бабушке, и та, фыркнув, направилась к выходу. С облегчением выдохнув, я повернулся к тетеньке с едва тлевшей надеждой, что она не сорвётся с крючка.

– Извините, пожалуйста. Такое, увы, случается. Ну, продолжим?

– Знаете, юноша, я тут поразмыслила... Умные люди ведь на чужих ошибках учатся. Так что я, наверно, откажусь.

– Это ваше право. Но если всё-таки передумаете, то обязательно приходите. Мы вас ждём!

Раздосадованный и разочарованный, я сбегал на обеденный перерыв к метро «Марксистская», купил в ларьке шаверму и съел её по дороге обратно. В офис я вернулся к часу дня. А вскоре появился и шеф. Судя по его слегка покрасневшему лицу, переговоры прошли в приятной и непринуждённой обстановке. Да и похвастаться ему, в отличие от меня, было чем.

– Ну, Дениска, поработали мы на славу. Скоро, очень скоро наши фильтры придут в каждый дом, в каждую семью и все государственные учреждения. Пока что лишь в паре районов и департаментов, но это ступень, за которой нас ждут небывалые высоты. Вот так Альберт Михайлович вкалывает, не покладая рук, на благо граждан. Ну, и нас с тобой, разумеется. А у тебя какие успехи, наш усердный юнга?

Я рассказал ему про свой провал, и реакция шефа была предсказуемой. Он явно был во мне разочарован, и его внешнее благодушие меня нисколько не обманывало. Ботвинник вообще, казалось, не злился. Но заботился он в первую очередь о себе, а не обо мне. Он всегда хотел иметь самый эпикурейский вид, какой и приличествует познавшему многие истины мудрецу. Человека, достигшего таких высот, не могут лишать равновесия какие-то жалкие мелочи. Вот он и демонстрировал самую невозмутимую жизнерадостность. А вот на выражения он никогда не скупился, хоть они и контрастировали с полусутоливым тоном.

– Да, Дениска, не видать тебе премии. Далеко нам с тобой до продавца года. Тебя же учили как с ними обращаться. Никто не заставляет их у нас ничего покупать – за своё решение они сами несут полную ответственность. Если они обманулись в своих ожиданиях – это их проблемы. И твои, разумеется. Но уж никак не мои. Почему фирма должна терпеть убытки из-за твоей неубедительности? Из-за того, что ты не умеешь грамотно представлять им товар? Да они за честь должны почитать, что мы соизволили продать им нашу продукцию. Не нравится – мы его другим отдадим, желающих выше крыши. И они нам спасибо скажут. Наш товар нарасхват, так пусть поспешат, пока не расхватили. Вот как надо всё представлять! А ты с постной миной, будто бы свечками на паперти торгуешь. Нет, Денис, так дальше продолжаться не может. Сам понимаешь, это надо менять. Но я человек разумный, и не стану сразу тебя увольнять. Сделаю скидку на юность и незрелость. Поступим вот как. Сегодня у нас что?

Правильно, пятница-развратница. А завтра, значит, суббота-в-клуб-охота? Но умный человек даром время не теряет и находит минутку для саморазвития. Где нет развития, там смерть. Ляжешь в гроб – вот тогда и отдыхай...

«О боги! Да по нему же книга рекордов плачет – столько банальностей за минуту! – подумал я. – Можно же ближе к делу? Огласите наконец мой приговор. К какой каре мне готовиться?»

– В общем, это я всё к тому, что один толковый бизнес-тренер мой давний должник. Я, знаешь ли, в жизни многим помог, кому дельным советом, кому чем покрепче. Неплохой капитал, надо сказать. Долг платежом красен. Вот я и направлю тебя к нему на семинар. Повышение мотивации и личной эффективности, называется.

Я выдохнул с облегчением. Это ещё не самое жуткое наказание. Как-нибудь потерплю два часа насилия над мозгом. К тому же, любой тренер ораторского мастерства просто ребёнок перед моим шефом.

– Я понял, Альберт Михайлович.

– Только не вздумай прогуливать. Я проверю. А то знаю я вас, молодёжь. Всё гулять, да гулять. Сам таким был. Но потехам, знаешь ли, час. Тем более, что целое воскресенье впереди. Тренер этот человек именитый, его курсы немалых денег стоят. И сотни молодых менеджеров мечтают у него поучиться. Так что тебе выпал шанс, да ещё и за счёт Альберта Михайлыча.

– Спасибо...

Подобными речами шеф промурыжил меня ещё с полчаса, пока он не понял, что пора бы уже утомиться, просвещая неразумных подчинённых. Толкать речи он обожал и в такие моменты напоминал певца-любителя на оперной сцене, наслаждающегося своим звонким фальцетом. Мудрые наставления сделали уже не один круг, и он с удовольствием пустил бы их ещё на парочку, но выступать столько времени бесплатно было уже неприлично. И тогда он отправился домой – восстанавливать истраченные на банкет и меня силы. Стоило ему выйти, как я тотчас же занялся своей рабочей стрелялкой, и не отрывался от неё вплоть до конца рабочего дня.

III

В девятнадцать ноль-ноль начиналась обратная дорога – всё то же самое, только в обратном порядке. Дорога домой, как ни крути, это совсем иные ощущения. Народу столько же, если не больше, толчая та же, что и утром. Но с утра ты был ещё свеж и полон сил, а сейчас просто валишься с ног. Утром ты тоже проклинаешь всё и всех на чём свет стоит, но совершенно по-другому: с утра ты пусть и не выспавшийся, но бодрый и активный. Сейчас же ты чувствуешь себя зомби, возвращающимся в могилу в толпе таких же, как и ты, зомби. Если утром я лихо лавирую в людском потоке, обгоняю тормозящих пассажиров – а их всегда предостаточно, то теперь я пассивно плетусь вместе со всеми, и даже бабки с тележками – эти фурии электричек – уже не вызывают такого раздражения, как утром. Всё потому, что теперь спешить не нужно – дома нет Ботвинника, ехидно кивающего на часы, нет строгого графика, где всё рассчитано по минутам. Вот домой, к родным, и не торопиться. Хотя гораздо лучше было бы всё наоборот.

Потому-то обратный путь растягивался аж на целых три часа вместо утренних двух. Домой я добирался часам к десяти. Так получилось и в этот раз. Отец в это время по многолетней привычке смотрел вечерние новости. Алины в комнате не было. Видимо, она ещё не вернулась с прогулок, хоть в это время, по нашей договорённости, ей давно уже полагалось быть дома, чтобы мы лишней раз за неё не волновались. В последнее время она частенько пропадала по вечерам, никого не поставив в известность, и из-за этого у нас с ней возникали стычки.

Раздевшись, я сразу же отправился на кухню, где занялся приготовлением ужина. Пока сосиски и пельмени разогревались, я вновь обратился к планшету, где меня ждало недосмотренное по дороге авто-ревю. Внезапно я заметил, что нахожусь в кухне не один, и торопливо снял наушники. Оказалось, ко мне вошёл Всеволод Николаевич.

- Здравствуй, Денис.
- Здравствуй, батя. Как ты себя чувствуешь?
- Да нормально, спасибо. Как на работе?
- Ничего, справляюсь.

Видимо, про нормальное самочувствие он сказал из тех же соображений, что я про успехи на работе – чтобы лишней раз не расстраивать. Вид у него вообще-то был неважный. Он и обычно казался рассеянным, но сейчас он явно был чем-то озабочен. Его лоб изрезали глубокие борозды морщин, а веки опухли, как после бессонной ночи. Походка казалась тяжёлой, будто бы на плечи давила непосильная ноша. На окружающих он всегда производил впечатление человека, вполне счастливого, избавленного судьбой от суетных проблем, и главная забота его – историческая справедливость. И вот он сам будто бы осознал, что всё-таки есть что-то, способное его тяготить. Осознание это пришло так неожиданно, что он не успел чётко решить, как начать говорить об этом. Во многих вопросах, касавшихся нас с Алиной, молодёжь и в более широком смысле – современность – он был крайне не уверен в себе. Он стеснялся нас, боясь показаться нам мамонтом, осколком другой эпохи, и тем самым отдалялся от нас ещё больше.

Вот и сейчас он замялся, а я не знал, как помочь ему начать разговор.

Наконец он собрался с силами и произнёс:

– Денис, завтра я улетаю на конгресс в Париж, вернусь во вторник. И я хотел успеть поговорить с тобой...

И действительно, я поймал себя на мысли – несмотря на то, что мы живём в одной квартире, у нас не так много минут, когда мы пересекаемся.

– Ну... – буркнул я и подскочил к плите, продолжив хлопотать с ужином или хотя бы имитировать эти хлопоты. Сидеть напротив него, молча глядя в ему в рот, пока он пытается подобрать слова, мне не хотелось. Я представил всю неловкость своего положения, да и мой

усталый вид мог сбить его с толку: отец ещё, чего доброго, подумает, что мне всё равно и я хочу побыстрее от него отделаться, что на самом деле не так. Или так лишь в половину – у меня из головы всё никак не шёл Ботвинник со своими нотациями и мне не хотелось переключаться на другие проблемы, пока я не разберусь, что я мог сделать, чтобы избежать его придирок. А отец конечно же заговорит о какой-нибудь проблеме – это ясно, как летний день! Короче, я боялся обидеть отца, и потому досадовал на то, что он избрал это время и эту форму разговора, подходящую для какого-нибудь спектакля про дореволюционную эпоху, столь близкую его сердцу. И я боялся, что он заметит мою досаду. Потому мне только и оставалось, что вертеться у плиты, будто бы пельмени могли убежать, если я отвернусь. Вообще теперь мне кажется, что половина нашей постоянной занятости – это имитация бурных действий для глаз окружающих, чтобы они оставили нас, уставших и занятых, в покое и не грузили разного рода разговорами.

Отец, к счастью, не мог заметить, как я изворачиваюсь не хуже ужа на сковородке, пытаюсь придумать какое-нибудь якобы необходимое в кулинарии движение. Он был слишком погружен в себя и вещал как-бы из глубины собственного сознания:

– Меня очень беспокоит Алина.

Услышав это, я вздохнул с облегчением. Хуже всего были бы его опасения за здоровье: мы можем частенько забывать о родителях, но терять их не хочет никто. Разговор об Алине будет естественным и обыденным, каких уже было много до этого и наверняка будет немало и впредь. Конечно, она и во мне вызывала немалое беспокойство, но показывать этого я не хотел.

– Батя, не бери в голову. Сам понимаешь, какой у неё сейчас возраст. Скоро начнётся новая взрослая жизнь, ответственность и все дела, прощай беззаботная школьная пора. А мы всё бухтим на ухо: учись, учись, готовься к экзаменам – от одного какого-то теста зависит всё твоё будущее. Ей же хочется расслабиться, потусоваться с подружками и мальчишками. Вспомни, каким я был в тот период. Во мне тоже кровь кипела, и тогда ты тоже за голову хватался. Но ничего, как-то я всё это пережил. Со временем все за ум берутся.

– Нет, Денис. Тут всё не так. Она не такая, как ты. Она, конечно, девушка. – Он сделал акцент на этом слове. – Да, уже не девочка, а именно девушка. А девушки ведь чувствуют мир тоньше, переживают из-за того, что нам кажется пустяками. Но я совсем не об этом. Ты всегда был более, что ли, практичным человеком. Даже самым практичным из нас.

– Ну, спасибо.

– Не в обиду тебе, конечно. Наоборот, по нынешним временам это очень полезно. Но Алина – человек со сложным внутренним миром.

Вертеться у плиты я больше не мог – все сроки варки пельменей уже вышли. Мне пришлось снять их с огня, слить воду и вывалить на тарелку. Разумеется, проделав всё как можно медленнее.

– Будешь? – спросил я отца.

– Нет, спасибо, я уже ужинал.

– Тогда извини, ты говори, а я буду есть. Я просто очень голодный.

– Конечно, я понимаю. Знаешь, дело ведь не в том, что Алю не интересуется история. Она продолжает готовиться к поступлению на истфак по инерции, потому что раньше об этом мечтала, и чтобы меня как-то не разочаровывать. Ведь вспомни, как раньше она зачитывалась Эйдельманом¹! В её-то годы перечитать всего Манфреда²! Для неё они были как детские сказки. А о князьях Шереметевых она знала всё и даже играла в Прасковью Жемчугову.

---

¹ Эйдельман Натан Яковлевич – советский историк; автор научно-популярных книг по истории XVIII и XIX веков.

² Манфред Альберт Захарович – советский историк, специалист по биографии Н. Бонапарта и Великой Французской революции.

– Все девочки играют в Золушек и принцесс, – заметил я с набитым ртом. – Балы, воздушные платья, вальсы. Их это завораживает.

– Нет же! Чтобы быть историком мало заморозиться, нужно вжиться в эпоху, чтобы она была для тебя современностью. И Але это удавалось. Мне кажется, она искала там идеал чистого благородства. И разочаровалась.

– Быть может, и правильно. Времена кисейных барышень прошли, их непорочность нынче не в моде. Да и жизнь требует от нас иных качеств.

– Ты ещё молод, в тебе говорят амбиции. На самом же деле не важно, когда ты живёшь и что сейчас в моде. Нельзя жить без идеалов, без надежд и стремлений. А Алина? К чему она теперь стремится? Одно дело, она просто передумала бы поступать на истфак. Я пойму и поддержу её выбор – есть столько других прекрасных профессий! Но мне кажется, она и не думает обо мне. Она вообще ни о ком не думает, и даже о себе. А это, согласись, уже страшно. Она будто бы отдалась стихии, вверила себя волнам в бурю. «Будь что будет! А не будет ничего – ну и пусть!» А безразличие – это смерть, Денис. Это болезнь, это яд, это гибель!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.